

УДК 821.161.1-31(Клягин А. П.). ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ПОД ВЛИЯНИЕМ БУНИНА: ПОВЕСТЬ А. П. КЛЯГИНА «КЛАД МАМАЯ»

Капинос Е. В.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

SPIN-код: 8009-9316

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается повесть А. П. Клягина «Клад Мамаю», вышедшая в Париже в 1948 году. Автор повести не был профессиональным литератором, но под влиянием знакомства с Буниным, произошедшего во время Второй мировой войны в Грассе, где И. А. Бунин и А. П. Клягин жили по соседству, Клягин написал две повести: «Страна возможностей необычайных» (1947) и «Клад Мамаю» (1948). Первая повесть вышла с предисловием И. А. Бунина, вторая испытала сильное влияние лирической поэтики Бунина; тому, в чем именно состоит это влияние, и посвящена статья. Во-первых, Клягин повторил композиционную идею романа «Жизнь Арсеньева»: «Клад Мамаю» – это рассказ эмигранта о юности, проведенной в России. Как и в «Жизни Арсеньева», основная часть текста посвящена прошлому в России, после чего следует временной перерыв и краткий фрагмент эмигрантской жизни постаревшего главного героя. Во-вторых, в центре повести Клягина обнаруживается сюжет, созданный в стиле Бунина, повторяющий один из инвариантных сюжетов Бунина: сюжет недовольной любви, в романе Клягина это сюжетная линия Зорина и Ирины, повторяющая сюжет «Жизни Арсеньева», «Позднего часа», «Чистого понедельника» и других рассказов. И еще одна особенность, почерпнутая Клягиным у Бунина, – это богатый фольклорный подтекст, которым насыщено художественное повествование. Повесть изобилует преданиями, изображает народную молву, а отдельные фрагменты представляют собой описания локусов исконно русской жизни с их особым колоритом. Так, в финальных главах «Клада Мамаю» описывается Астрахань с ее трактирами, где совершают сделки русские купцы. Описание это восходит, как устанавливается в статье, к «Речному трактиру» и другим «волжским» и провинциальным рассказам И. А. Бунина. Близость лирической поэтики Бунина, как и уникальный автобиографический опыт, заключенный в тексте, а также его историософское содержание определяют ценность повести Клягина.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эмигрантский роман; эмигрантская повесть; автобиографическое повествование; сюжеты эмигрантской прозы; фольклорные мотивы эмигрантской прозы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Капинос, Е. В. Под влиянием Бунина: повесть А. П. Клягина «Клад Мамаю» / Е. В. Капинос. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 111–121.

UNDER THE INFLUENCE OF I. A. BUNIN: A. P. KLYAGIN'S NOVELLA “MAMAI'S TREASURE TROVE”

Elena V. Kapinos

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

A b s t r a c t . The article studies the novella “Mamai’s Treasure Trove” by A. P. Klyagin, published in Paris in 1948. The author of the novella was not a professional writer, but under the influence of his acquaintance with Bunin, which occurred during the Second World War in Grasse, where Bunin and Klyagin were neighbors, Klyagin wrote two novellas: “The Land of Extraordinary Opportunities” (1974) and “Mamai’s Treasure Trove” (1948). The first novella was published with a preface by Bunin, the second was strongly influenced by Bunin’s lyric poetics, and the article is devoted to what exactly this influence consisted in. Firstly, Klyagin repeated the compositional idea of the novel “The Life of Arseniev”: the “Mamai’s Treasure Trove” is an emigrant’s story about his youth spent in Russia. As in the “The Life of Arseniev”, the main part of the text is devoted to the past of Russia, followed by an interruption of chronological time and a brief fragment of the emigrant life of the aged main character. Secondly, one of the central plots of Klyagin’s novella imitates Bunin’s style, repeating one of the invariant plots of the latter: the plot of unfulfilled love; in Klyagin’s novella it is the plotline of Zorin and Irina similar to the plot of the

“The Life of Arseniev”, “Late Hour”, “Clean Monday” and other stories. And one more specific feature, borrowed by Klyagin from Bunin, is the rich folklore implication which saturates the artistic narration. The novella abounds with legends, depicts people’s rumors, and presents many fragments which are picturesque descriptions of the loci of the typically Russian life. Thus, in the final chapters of “Mamai’s Treasure Trove”, Astrakhan is depicted with its taverns, where Russian merchants make deals. The article argues that this description goes back to the “River Tavern” and other “Volga” and provincial stories by Bunin. The high value of Klyagin’s novella can be attributed to its proximity to Bunin’s lyrical poetics, as well as the unique autobiographic experience, contained in the text, and its historiosophical content into the bargain.

Key words: emigrant novel; emigrant novella; autobiographic narration; the plots of emigrant prose; folklore motifs of emigrant prose

For citation: Kapinos, E. V. (2023). Under the Influence of I. A. Bunin: A. P. Klyagin’s Novella “Mamai’s Treasure Trove”. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 111–121.

Нам уже приходилось писать о забытом ныне авторе – А. П. Клягине и его повести «Клад Мамаея» [Капинос 2023], здесь приведем лишь некоторые краткие сведения о его биографии и книгах. Клягин родился в 1884 году¹, в средней России (Орловская губерния), в небогатой купеческой усадьбе. После окончания орловской гимназии учился в Санкт-Петербургском технологическом институте, работал инженером-путейцем на Астраханской, Амурской, Мурманской железных дорогах, получая совершенно уникальный опыт постижения окраинных, периферийных областей России. Успешно продвигаясь по службе, Клягин еще до начала Первой мировой войны уехал во Францию, где работал помощником военного атташе, графа А. А. Игнатьева, затем вернулся в Россию, но в 1916-м вновь, на этот раз уже навсегда, уехал в Париж, получив место представителя Министерства сообщения при русском посольстве. За границей Клягина и застала революция. После революции во Франции Клягин развивал собственные коммерческие проекты, имел достаточное состояние, чтобы заниматься меценатством и благотворительностью², до 1935 года состоял в масонской ложе «Северное сияние», одной из шести парижских масонских лож, в основании которой принимал участие. Во время Второй мировой войны, в Грассе, сдружился с И. А. Буниным, где они жили по соседству, проводя время в беседах, тайно слушая запрещенное радио, делясь друг с другом военными известия-

ми, почерпнутыми из газет... Видимо, именно тогда с подачи Бунина у Клягина возникла идея описать свою жизнь. Как известно, Бунин умел вдохновлять на писательство своих друзей и родных, свидетельствуя чему дневники В. Н. Буниной и Г. Н. Кузнецовой, проза молодых друзей Бунина: Г. Н. Кузнецовой, Н. Я. Рощина, Л. Ф. Зурова³. К этому же ряду можно причислить и А. П. Клягина, чья биография просто взывала к тому, чтобы остаться запечатленной в книгах.

На исходе войны Клягин попал в тюрьму по обвинению в пособничестве фашистам, хотя известно, что, живя во время войны в Грассе, он оказывал помощь борцам Сопротивления. После тюрьмы, занявшись финансовыми операциями, компенсировал конфискованное судом состояние. Дружба с Буниным, помощь ему, несмотря на все перипетии судьбы, не прервалась и после Грасса, что следует из мемуаров Н. Берберовой, описавшей встречу писателей в Париже, в квартире Бунина на улице Оффенбах⁴ в 1947 году, о том же свидетельствует и предисловие Бунина к

¹ Сведения о биографии автора здесь даются по следующим источникам: [Игнатьев 1988: 567–568; Клягин 2010: 5–8; Блюм 2010; Бунин 1967, т. 9: 477–479].

² В масонских кругах Клягина считали миллионером.

³ Приведем отрывок из дневника Г. Н. Кузнецовой, где Бунин побуждает Н. Я. Рощина, бывшего капитана армии Корнилова, написать книгу о войне: «Вечером И.А., Рошин и я ходили по саду; И.А. говорил, отвечая на его слова о том, что все, что он пишет, “пока” для “широкого читателя”, а настоящую книгу, хорошую, он напишет потом и “будет писать долго”.

– Нет, не потом надо, а сейчас, – говорил И.А. со своей обычной энергичной силой в голосе, – сейчас, пока еще нет такой книги. Смотрите, о войне у нас не написал пока никто ничего настоящего. А вы бы взяли и написали вот так, как вы сейчас рассказали о войне, именно о ее буднях, не захлебываясь лиризмом и патриотизмом» [Кузнецова 2009: 201].

⁴ См.: [Берберова 1996: 298].

книге «Страна возможностей необычайных» (1947).

Вторая повесть, «Клад Мамаю», вышла тоже в Париже годом позже, она не имеет никакого предисловия, никакого комментария, но явно ориентирована на творчество Бунина. Я уже пыталась представить обзор поэтики второй книги Клягина, ее евразийских подтекстов и фольклорных мотивов [Капинос 2023], а здесь хотелось бы сосредоточиться только на тех чертах повести, которые явно продиктованы влиянием Бунина. Повесть Клягина – это интересный опыт того, как осваивался художественный опыт Бунина его современниками.

Во-первых, композиция повести Клягина напоминает о написанном в автобиографическом ключе романе «Жизнь Арсеньева». Главный герой романа Бунина – автоперсонаж, то есть герой, жизнь которого не точно следует биографии Бунина, но во многих пунктах соотносится с ней, являя собой свободное художественное обобщение на тему судьбы русского поэта или прозаика, пережившего революцию, уехавшего за границу, вспоминающего былое¹. В качестве главного героя Клягин тоже выводит эмигранта, живущего во Франции, в Париже, вспоминающего, как бунинский Алексей Арсеньев, годы своей юности в России. Роман «Жизнь Арсеньева» с первых страниц погружает в жизнь русской усадьбы, и читатель не сразу, а постепенно понимает, что все описанное осталось в прошлом, а в настоящем Алексей Арсеньев уже не юноша, а пожилой человек, коротающий век на чужбине. По законам лирического повест-

ования «Жизнь Арсеньева» написана пунктиром: одни события излагаются долго и подробно, другие умалчиваются или пропускаются, детство и юность Арсеньева в России составляют основное содержание текста, из эмигрантского периода в роман вставляется всего несколько эпизодов. По сути, пропущенным почти полностью остается все, что последовало после того, как герой узнал о смерти Лики: революция, сборы и отъезд в эмиграцию, сама жизнь в эмиграции, за исключением похорон Великого Князя Николая Николаевича в Антибе. Клягин держится той же композиционной схемы: главное содержание его повести – это юность героя, наделенного чертами автора. В «Кладе Мамаю» подробно описывается всего полтора-два года работы молодого, еще не завершившего инженерное образование студента на строительстве железной дороги в Прикаспийской пустыне. Но это чрезвычайно важные годы его взросления, становления, приобщения к опыту взрослой жизни, переживания первой, трагически закончившейся любви, познания новых мест, существовать в которых экстремально трудно.

Повесть Клягина историософская, она наполнена рассуждениями о судьбе России, о том, что определяло эту судьбу от древности, от времен монголо-татарского нашествия до начала XX века. И с одной стороны, монголо-татарская тема мотивируется самим локусом повествования: Прикаспийская пустыня, озеро Эльтон, близ которого разворачивается сюжет, конечно же, наводит на мысли о Золотой Орде, Астраханском Ханстве, Букеевой Орде, но, с другой стороны, тема татаро-монгольского ига подчерпнута Клягиным со страниц «Жизни Арсеньева», вспомним хотя бы такой пассаж из «Жизни Арсеньева»:

Он сказал (речь идет об отце Арсеньева – Е. К.), что этими местами шел когда-то с низов на Москву и по пути долга разорил наш город сам Мамай, а потом – что сейчас мы будем проезжать мимо Становой, большой деревни, еще недавно бывшей знаменитым притоном разбойников и особенно прославившейся каким-то Митькой, таким страшным душегубом, что его, после того как он наконец был пойман, не просто казнили, а четвертовали <...> Татары, Мамай,

¹ О сочетании автобиографического и вымышленного, собирательного в романе Бунина современный исследователь пишет: «В этом повествовании названия реальных русских городов (среди которых встречается и Елец) чередуются с описаниями некоего древнего русского “города” – первого города, который Арсеньев увидел в своей жизни, города его гимназической юности, города, в котором живет Лика, “нашего города” <...> – эти неназванные города и страны <...>, в которых Арсеньев живет сейчас. Детали реальной биографии Бунина <...> взаимодействуют с сочиненными <...> Лика, с одной стороны, напоминает Варвару Пашенку – первую большую любовь в жизни Бунина. С другой стороны, <...> Лика – собрание черт всех женщин, которых Бунин в своей жизни любил» [Пономарев 2019: 98–99].

Митька... Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикое, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней... [Бунин 1966, т. 5: 56–57].

В сюжете историсофской повести Клягина, как и в романе Бунина, полностью пропущенными в судьбе главного героя оказываются самые серьезные потрясения, произошедшие в России в начале XX века: революция, эмиграция, жизнь русской эмиграции за пределами страны¹. Такой композиционный прием у обоих авторов способствует символизации дореволюционного прошлого, которое запечатлено писателями-эмигрантами так, как будто бы не было трагедии революции и отъезда. Кроме того, глубокий временной провал, сюжетный перерыв длиной в несколько десятилетий усиливают лирическое начало повествования: сюжетное зияние повышает энергетику «русских глав», юности героев. В тексте Бунина есть несколько эмоциональных внесюжетных отступлений по поводу разрушенной революцией России, отчасти напоминающих «Окаянные дни» – дневник революции. В отличие от Бунина, Клягин более лоялен к большевикам², ему близки евразийцы, порицавшие большевиков, но все же смирившиеся с революцией, обратившей, по их мнению, Россию к органически родственному ей востоку. В то время как евразийцы

(и вслед за ними Клягин) пишут апологетику востока, Бунин сокрушается об азиатчине, охватившей революционную и постреволюционную страну:

Какое азиатское многолюдство! Сколько торговли с лотков, на всяческих толкучках и «пупках», выражаясь тем подлым языком, который все более входит у нас в моду! Сколько погибших домов! Как ухабисты мостовые и разрослись уцелевшие деревья! На площади перед вокзалами тоже «пупки», вечная купля и продажа, сброд самой низкой черни... [Бунин 1966, т. 5: 119].

То же можно прочесть и в «Окаянных днях»:

Вся Лубянская площадь блестит на солнце. Жидкая грязь брызжет из-под колес. И Азия, Азия – солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, маковыми плитками, папиросами. Восточный крик, говор – и какие все мерзкие даже по цвету лица, желтые и мышинные волосы! [Бунин 1991: 44].

Интенции Клягина по поводу большевистской России менее отчетливы, у него Зорин так размышляет о большевиках: «Но отыскали ли наши наследники, большевики, клад Мамаю, если не увез его Хассимов, – появились ли снова на свет Божий сокровища Китая, Персии, России, спрятанные когда-то монголами, – это вопрос!» [Клягин 1948: 273]. Трудно сказать, с какой интонацией Клягин называет большевиков «нашими наследниками»: серьезно, с печальной иронией, равнодушно... Но так или иначе эта цитата дает понять, насколько далека от Клягина современная ему советская Россия.

Клягин не переходит на повествование от первого лица, повесть рассказывает о герое в третьем лице, но Зорина тоже можно назвать автоперсонажем³, судьба главного героя повести аккуратно следует биографии автора повести – Клягина, перед нами, как и у Бунина, повесть-автопортрет. Кажется порой, что Клягин замыслил в подражание Бунину роман от первого лица, настолько все в повести сосредоточено на главном герое, но, видимо, бунинский стиль, имитирующий материю памяти, с ее наплывами, прерывистостью, субъективностью, показался Клягину не

¹ Эмиграции в повести Клягина посвящены только две финальные главы: встреча в Париже, в посольстве с адъютантом Персидского принца – Хассимовым-младшим и небольшой очерк о судьбе инженера Кузьмича, начальника Зорина на Эльтоне.

² «Александр Клягин, – пишет А. В. Блюм, – говорит о большевистской России вполне лояльно <...> Клягин, по-видимому, очень хотел, чтобы его книга вышла на родине. Об этом свидетельствует текст, напечатанный на обороте титульного листа: “Все права перевода и воспроизведения оставлены за всеми странами, не исключая СССР”» [Блюм 2010: 355–356]. Блюм пишет о первой повести Клягина «Страна возможностей необычайных» (1947), «Клад Мамаю» издан в похожем оформлении и формате на год позже, тоже в Париже, но вторая книга такой надписи на обороте титула уже не содержит.

³ Об автоперсонаже у Бунина см.: [Капинос 2014: 95–142].

совсем подходящим для эпического рассказа. В «Жизни Арсеньева» доминируют «субъективные» лирические темы детства, взросления, первой любви; Клягину, как следует из содержания повести, хотелось рассказать не столько о внутреннем мире героя, сколько об экзотической окраине России – Эльтонской пустыне, о строительстве дороги, об истории этих мест и ее значении для истории России, поразмышлять об истории родины. Возможно, Бунин дал Клягину совет «не захлебываться лиризмом», как советовал в свое время Н. Я. Рощину (см. сноску 3 на с. 104), во всяком случае, Клягин понимал, что усиление лиризма могло бы умалить, отодвинуть на второй план историческую тему текста.

Итак, Клягин заимствует основной композиционный ход «Жизни Арсеньева», создав повесть о герое-эмигранте, подробно вспоминающем юность, проведенную в России, при этом глубокая сюжетная лакуна отделяет эмигрантское настоящее героя от прошлого, проведенного в России: мы не знаем, как и почему Алексей Арсеньев Бунина и Зорин Клягина покинули родину, как и чем жили в эмиграции. Такая сюжетная лакуна у Бунина встроена в целый ряд других умолчаний, сюжетных пропусков, временных перерывов, что проявляет лирическую природу повествования. Отказываясь от я-повествования, Клягин не стремится копировать бунинский лиризм, для него важнее лирического переживания оказывается мемуарная точность, поэтому композиционный ритм его повествования не столь прерывист, как у Бунина, однако общая схема эмигрантского романа с подробным изложением воспоминаний о прошлом, о юности, с некоторой идеализацией этого прошлого и лишь беглым наброском эмигрантского настоящего у Клягина выдержана. Причем, как и у Бунина, эмигрантская тема звучит главным образом в финале, финальная развязка стремительна и лаконична, тогда как события юности излагаются неспешно и подробно.

Во-вторых, о Бунине в повести «Клад Мамаю» напоминает любовный сюжет. Любовная история не тянется через весь роман, а занимает в нем всего несколько глав, но это центральные главы. И Клягин строит любовную коллизию романа по

аналогии с одним из любимых бунинских инвариантных сюжетов – балладно-элегического сюжета «мертвая невеста», рассказа о трагической, «недоволенной» любви. Не стоит думать, что в XX веке писатели точно повторяют балладу или элегию в том виде, в котором она существует в фольклорном или классическом каноне. Но в буниноведении убедительно доказано, насколько сильны и многообразны в творчестве писателя, наследника Жуковского, отсылки к балладе и элегии, вспомним хотя бы рассказ «Баллада» из «Темных аллея». Но такое заглавие рассказа не свидетельствует о том, что этот рассказ или другие тексты Бунина повторяют сюжетные схемы конкретных классических баллад или элегий. Влияние баллады и элегии эскизно, эти жанры и вообще стиль романтиков синтетизируются в сознании Бунина¹. Влияние баллады и элегии проявляется в отдельных мотивах, сюжетных ходах: влюбленных героев часто разлучает смерть или судьба, девы небесной красоты «сгорают, как свеча, в самый краткий срок», внезапно уезжают или умирают, и их исчезновения, смерти загадочны и мучительны для героя. Влюбленные герои Бунина нередко неожиданно расстаются навсегда, хотя их любовь не исчерпала себя, а напротив, идет по линии возрастания. Здесь можно вспомнить и Арсеньева, потерявшего Лику, и расставшихся героев «Позднего часа», «Чистого понеделника», Лушку и Хвощинского из «Грамматики любви» и мн. др. В центре повести Клягина – очень похожий любовный сюжет. В доме молоканина Ржаного Зорин знакомится с загадочной иконописной красавицей Ириной Алексеевной: «ее лицо с правильными чертами, неестественно бледное, молодое, красивое. Огромные карие глаза блеснули на мгновение и скрылись под опущенными веками» [Клягин 1948: 137]. Героиня тиха, безответна, молчалива, и Зорин никак не может выяснить, почему она, живущая довольно далеко от Эльтона, около Новоузенска, появилась в доме Ржаного. На все вопросы Ирина отвечает сдержанно и неопределенно, буквально в

¹ О мотивном комплексе «кладбищенских» жанров в сознании Бунина см., например: [Анисимова 2016].

одно слово. Вскоре после первого знакомства, перед самым отъездом Ирины, герои еще раз случайно встречаются недалеко от вокзала, и знакомый Зорина, лихой машинист Костик, катает их на паровозе. Это счастливое свидание завершается тем, что Ирина приглашает Зорина в условный день приехать к ней на далекий хутор. Предвкушая новое свидание, Зорин едет к Ирине, но вместо свидания его ждет зрелище хлыстовского богослужения. Оказывается, Ирина специально, приоткрывая завесу своей жизни, позвала Зорина в дом, где собирались хлысты, а Ирина – их «хлыстовская Богородица», и Зорин сквозь щелку наблюдает за погруженными в служение хлыстами и Ириной, Ирина ничего не объясняет Зорину, никак не приуготовляет его к тому, что он увидел:

Он сел на диван, стал прислушиваться. Какие-то неясные звуки, как будто – из-за стены сзади дивана. Поют? Плачут?.. Зорин приложил ухо к стене из выбеленного сырца: явственно слышалось тихое, заунывное пение. Разобрать слов нельзя, но голоса – мужские и женские, мотив монотонный, незнакомый, и он повторялся, то громче, то тише <...>

Молежня?.. Старообрядцы?.. Хлысты?.. <...>

Повернулся – ахнул! На пороге растворенной двери – Ирина Алексеевна, преображенная, незнакомая! В ее распущенных каштановых кудрях – белые цветы, на голове – золотой ореол. Длинный, белоснежный саван с широкими складками составлял всю ее одежду; глаза полузакрыты, но устремлены на Зорина. Как загнипнотизированная, она сделала шаг, вошла в комнату – дверь захлопнулась.

– Ирина Алексеевна!.. В каком вы костюме?.. Вы молитесь?..

<...> руки притягивали его к себе с такой силой, что трудно было разжать их <...> Но не было радости свидания, не было нежности, не чувствовалось и признака любви.

– Ирина!?

Он разжал руки девушки, бросился к двери, растворил ее ударом ноги и выскочил из комнаты [Клягин 1948: 188–189].

Эта встреча героев отчасти напоминает «Чистый понедельник», тот момент, когда герой в финале видит свою возлюбленную в кругу монашек Марфо-Мариинской обители: и хотя Ирина приближается к Зорину,

обнимает его, но он чувствует, что это не экстаз любви, а экстаз, в который Ирина впала в момент хлыстовского богослужения, возлюбленная не принадлежит ему, она – Богородица хлыстов и отдана вере.

Зорин возвращается на Эльтон, не разлюбив Ирину, но отступив от нее, отдавшись, догадавшись, что и к Ржаному Ирина приезжала по хлыстовским делам. Хлыстовская община разделяет героев, а вскоре их разделяет и смерть героини. Внезапно заболевшую Ирину привозят на Эльтон, потому что в новоузенской глуши некому помочь больной, а на станции есть врач, но и он оказывается бессилем. Ирина в несколько дней умирает от приступа аппендицита, а Зорин мучается и раскаивается в том, что отступил от возлюбленной.

В XXI главе с соблюдением всех эгегических канонов Клягин описывает похороны Ирины: ее гроб, бледное и красивое лицо, белые цветы в гробу, страдающего у гроба Зорина. Все это написано очень выразительно, с опорой не только на эгегическую традицию¹, но еще больше с опорой на Бунина, на похоронные главы «Жизни Арсеньева», на иконописные изображения мертвых дев/невест из таких рассказов, как «Аглая», «Поздний час»:

Крышку гроба родственники усопшей просили не завинчивать: на хуторе должны были прощаться с нею и родня ее из Новоузенска, и знакомые.

<...> Не нашли восковых свечей, зажгли стеариновые, а мальчишка-хуторянин жег какие-то корни, – удушливый запах которых, похожий на ладан, наполнял комнату, где почил покойница.

<...> Покойная лежала, как живая: юная, красивая, в белом платье, <...> с белыми цветами в волосах с букетом на груди.

¹ Вспомним хотя бы батюшковское:

Когда в страдании девица отойдет

И труп синеющий остынет, –

Напрасно на него любовь и амвру льет,

И облаком цветов окинет.

Бледна, как лилия в лазури васильков,

Как восковое изваянье;

Нет радости в цветах для вянущих перстов,

И суетно благоуханье.

В этой миниатюре отражены классические мотивы эгегии или эпитафии о мертвой возлюбленной: ее красота, бледность, бело-голубые цвета, обилие цветов, воск и благоухание.

Ничто не говорило о ее болезни, о безвременной кончине. Лицо ее было спокойно, веки слегка приподняты, – казалось, девушка лишь отдыхает, вот-вот она рассмеется, встанет, и наваждение рассеется! [Клягин 1948: 214–215].

Похороны напоминают свидание на хуторе: и там, и здесь – мотивы смерти, савана, сна, наваждения, от чего история любви и сама героиня остаются загадочными, зыбкими, непроясненными. Зорин проживает эту любовь, как будто не успевая ее осознать, понять, отдалиться полностью своему чувству. В непроясненности, подражающей бунинскому лиризму, состоит ценность этого среза повествования.

Главы о любви Зорина и смерти его возлюбленной занимают центральное место в романе, после ее смерти Зорин перестает быть наивным студентом, обретает мужество и самостоятельность. Самостоятельно он принимает решение, твердо настаивает на разработке одного из карьеров, разработка эта впоследствии начинает приносить прибыль, но Зорин продает карьер, задумав вернуться в Петербург и закончить обучение, потому что после смерти Ирины Алексеевны его уже ничего не держит на Эльтоне.

Не только мотив смерти возлюбленной Клягин заимствует у Бунина, но и отводит ему такое место в композиции повести, которое напоминает о «Жизни Арсеньева». В «Жизни Арсеньева» смертями отмечены главные вехи жизни героя и границы частей книги: взросление Арсеньева (похороны Писарева – конец второй части романа и начало третьей), любовь к Лике (похороны Великого Князя Николая Николаевича – конец четвертой и начало пятой книги, ретроспективное воспоминание о его похоронах), финал (смерть Лики). Недоволенная, несбывшаяся любовь к Ирине, ее смерть и похороны в «Кладе Мамаевая» тоже делят повесть на две части: юность Зорина и начало его взрослой жизни. Лирический срез повести Клягина не самодостаточен, кроме любовных мотивов главы об Ирине нагружены ценными свидетельствами быта хлыстов Поволжья, кроме того, не исключено, что Клягин сравнивает опыт сектантов со своим более поздним опытом масонства. Во всяком

случае, парижским масонам, как утверждали эмигранты, приписывались «сатанинские мессы» и «прочая чушь»¹.

В-третьих, Клягина с Буниным роднит внимание к фольклорным подтекстам и изображению картин народной жизни. Текст Клягина изобилует изложением разного рода поверий (русских и восточных), стилизациями народной речи и описаниями народного быта. И здесь хотелось бы указать на один финальный фрагмент романа, где бунинский интертекст можно опознать точно и почти безошибочно. В финале повести Зорин покидает Эльтон, останавливаясь в Астрахани, где и продает карьер, астраханская глава, подводящая к финалу повести, очень живописна. Почти безлюдная, выжженная солнцем Прикаспийская солончаковая пустыня близ Эльтона (воды на Эльтоне настолько мало, что ее приходится заготавливать в сезон дождей и привозить с Волги) остро контрастирует с Астраханью – богатым городом в дельте Волги, где кипит изобильная торговая жизнь. Действие повести Клягина происходит на Эльтоне, в Астрахани и Париже, но изображение Парижа полностью отсутствует, чем и усиливается контраст между древней, монгольской экзотической Прикаспийской степью и «современным», типично русским Поволжьем².

Продав в Астрахани свой каменный карьер, Зорин, следуя заведенной в городе традиции, везет покупателей в «Отрадное», знаменитое астраханское увеселительное заведение, где широким разгулом отмечается завершение любой крупной сделки. Аскетичная жизнь Зорина на Эльтоне заканчивается безудержным кутежом:

Публика в зале сидела за небольшими

¹ См. об этом: [Гуль 2001: 215].

² Перечисляя три главные черты повести Клягина, которые продиктованы, на мой взгляд, поэтикой Бунина, я оставляю в стороне мелкие бунинские интертексты, перекликающиеся детали, а таковые имеются. Даже некоторые топонимы Клягина как будто бы испытали влияние Бунина. Например, в «Кладе Мамаевая» описывается минеральная река, протекающая близ Эльтона, в реальности она называется Большая Сморогда, но в повести Клягина она превращается в Смарагду, что звучит более «сингармонично», «по-татарски», но еще и напоминает миниатюру Бунина «Смарагд».

столиками, компаниями, пила и ела. Зрители разговаривали, смотрели на сцену, где выступали артисты, ученые собаки, жонглеры, и, главное, пели, декламировали, танцевали женщины, более или менее раздетые. Когда на сцене появился женский хор в национальных костюмах, русских, украинских, польских, и еще каких-то, студент не мог оторвать глаз от красавицы-брюнетки в черкесском наряде. Она стояла в черкесском костюме, и весь зал любовался ею, только для нее, казалось, публика и собиралась.

– Кабинет, – скомандовали покупатели карьера и тут же поднялись на второй этаж <...>

Отдельный кабинет имел два отделения: открытую ложу, откуда можно было смотреть на сцену, и что-то вроде салона-столовой, где уже ставили на стол всякие закуски, вина, водки. <...>

Через минуту в кабинете появились новые лица – накрашенная дама оказалась содержательницей только что выступавшего женского хора. С двумя подругами пришла и черкешенка, красота которой так пленила студента. Вблизи она терялась, была неразговорчива, конфузилась. Всего лишь третью неделю, оказалось, как она в хоре, петь еще не умела, и только для видимости открывала рот <...> Черкешенкой же ее нарядили, чтобы подчеркнуть жгуче-южные черты ее лица, наследие персидское или турецкое, – родом же она была из-под Царицына, и о Кавказе не имела представления. Да и весь женский хор был скорее для вывески, – дело было не только в пении, сколько в умении хористок угождать гостям, увеселять их, требовать закуски, напитки <...>

Ряд смуглых женщин оцепил полукруглый стол, за ними стали молодцы с черными, как угли, глазами, с примазанными лоснящимися головами

– Не вечерняя, да не вечерняя

Заря потухала...

<...>

Зорин слушал, зачарованный. А кругом него мелькали длинные рубахи половых с широкими цветными поясами, хлопали пробки, появлялись на подносах рыба, цыплята, мороженое.

<...> Грянула плясовая; пожилая, усатая цыганка поплыла, играя станом, а с ней молоденькая, красивая... С молоденькой цыганкой танцевал покупатель карьера, пожилой коммерсант из Саратова, молчаливый, угрюмый, в течение целого дня только и думавший о поставках. Без визитки, в жилете, потный, раскрасневшийся, с волосами на лоб и странной, как бы окаменелой

улыбкой, он выделявал ногами замысловатые выкрутасы, гикая, семеня вокруг цыганки, пытался пуститься в присядку <...> его толстая золотая цепь как будто отбивала такт на животе, растрепанные волосы с густой проседью прилипли ко лбу...

Эх распошел, тумра, сивый мой, пошел!

Эх распошел ты, хорошая моя... [Клягин 1948: 250–254].

Эта объемная цитата дает понять, насколько насыщена астраханская глава у Клягина: здесь и детальное описание трактира, и общий портрет хора, и отдельный портрет одной из хористок, «черкешенки», и содержательница хора, и покупатель карьера, и две цыганки, и пестрота красочных одежд, разнообразной еды, и смесь национальностей: русское, черкесское, персидское, турецкое (восточные краски поддерживают «монгольскую» тему повести), цыганское, украинское, польское, а еще четыре цитаты (две мы пропустили) из звучащих песен разных жанров: плясовая, лирическая, частушка, цыганский романс... Конечно, сцена повести написана в традициях русской классики, но при этом по канве «Речного трактира» Бунина, где волжский трактир изображен еще более гротескно, сравним:

К полночи трактир стал оживать и наполняться: вышел целый полк половых, повалила толпа гостей: конечно, купеческие сынки, чиновники, подрядчики, пароходные капитаны, труппа актеров, гастролировавших в городе... половые, развратно изгибаясь, забегали с подносами, в компаниях за столами пошел галдеж, хохот, поплыл табачный дым, на помост вышли и в два ряда сели по его бокам балалаечники в оперно-крестьянских рубахах, в чистеньких онучах и новеньких лаптях, за ними вышел и фронтом стал хор нарумяненных и набеленных блядчонок, одинаково заложивших руки за спину и резкими голосами, с ничего не выражающими лицами подхвативших под зазвевшие балалайки жалостную, протяжную песню про какого-то несчастного «воина», будто бы вернувшегося из долгого турецкого плена: «Ивво рад-нии-и ни узнали-и, спроси-и-ли воин-а, кто ты-ты...» Потом вышел с огромной гармоней в руках какой-то «знаменитый Иван Грачев», сел на стул у самого края помоста и потрянул густыми, хамски разобранными на прямой ряд белобрысыми волосами: морда полотера, желтая косоворотка, расшитая по высокому вороту

и подолу красным шелком, жгут красного пояса с длинно висящими махрами, новые сапоги с лакированными голенищами... Тряхнул волосами, уложил на поднятое колено гармонию-трехрядку в черных с золотом мехах, устремил оловянные глаза куда-то вверх, сделал залихватский перебор на ладах – и зарычал, запел ими, ломая, извивая и растягивая меха толстой змеей, перебирая по ладам с удивительнейшими выкрутасами, да все громче, решительнее и разнообразнее, потом вскинул морду, закрыл глаза и залился женским голосом: «Я вечер в лужках гуляла, грусть хотела разогнать...» [Бунин 1966, т. 7: 181].

Сцена в речном трактире у Бунина лаконичнее, энергичнее, она украшена колоритным портретом одновременно зоморфного и андрогинного Ивана Грачева, двумя «фольклорными» цитатами, но при этом в них чувствуется больше стилизации, чем у Клягина, они даже откровенно пародийны. Более концентрированы и метафорика, и грамматическая пестрота бунинского текста (эпитеты скрывают в себе разного рода сравнения и олицетворения, в составе слов – разнообразные суффиксы и пр.), все называется точными именами, без перифраз, и поэтому этот отрывок так впечатляет читателей. Сцену народного разгула из «Речного трактира» (и соответственно астраханский эпизод из повести Клягина) можно добавить к собранному И. Виницким кластеру текстов, где плясовые, разгульно-песенные, разбойничьи и молодецкие мотивы, андрогинные и зооморфные метаморфозы вызывают на политический гипертекст, «вызывающий ассоциации с необузданной «комаринской», русской вольницей и безграничным насилием» [Виницкий 2022: 440], грабежами и смертями¹. В публицистике Бунина нетрудно отыскать пассажи, которые могут послужить комментарием к такого рода художественным картинам:

¹ В этот кластер И. Виницкий включает и финал трагедии «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого со скomorшым «пеньем, свистом и пляской», и стихотворение «Веселье на Руси» Андрея Белого, и песню Федора Басманова с выкриком «гойда» в «Иване Грозном» С. Эйзенштейна, и «разбойничий» сборник «Мускул» Владимира Луговского, и «Россию, кровью умытую» Артема Веселого. См.: [Виницкий 2022: 427–452].

Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна [Бунин 1991: 44].

Кажется, что у Клягина даже миниатюрные портреты отдельных персонажей почерпнуты у Бунина. Например, покупатель карьера, выделявавший ногами замысловатые выкрутасы, кажется, восходит к нескольким эпизодическим персонажам Бунина: к портрету члена елецкого окружного суда в «Жизни Арсеньева» и к одному эпизоду из «Чаши жизни», где Александра Васильевна становится невольной свидетельницей пляски Селихова:

Со мной сидел член елецкого окружного суда, почтенный, серьезный человек, похожий на пикового короля. Долго сидел, читая Новое время, потом встал, вышел и пропал. Я даже обеспокоился, тоже вышел и отворил двери в сени. За грохотом поезда он не слышал и не видал меня – и что же мне представилось? Он залихватски плясал, выделявая ногами самые отчаянные штуки в лад колесам [Бунин 1966, т. 6: 249];

Селихов, легкий, старенький, один во всем полутемном доме, дико вскидывал ноги перед трубой граммофона, весело и хрипло кричавшей: «Ай, ай, караул! Батюшки мои, разбой!..» [Бунин 1966, т. 4: 209].

Удаль, разбой, риск, безудержность, – все эти черты русской жизни и запечатлены у обоих писателей, причем у Клягина сцена трактирного русского разгула как нельзя лучше дополняет основной сюжет его повести – сюжет кладоискательства в Прикаспийской степи, тоже аранжированный в фольклорном духе мотивами разбоя, безудержных страстей, мести, обмана, коварства и жертвенности.

Перечислив только те моменты, где наблюдается явное влияние Бунина на Клягина, я пропустила другие, менее очевидные свидетельства такого влияния. Оно было неизбежно, поскольку Бунин вдохновил на писательство Клягина, человека с насыщенной биографией и исключительными способностями к писательству. Результатом бунинского влияния и стали две оригинальные книги, запечатлевшие неповторимый образ дореволюционной России и судьбы русской эмиграции.

Литература

- Анисимова, Е. Е. Балладный мир Жуковского и поэтика прозы И. А. Бунина / Е. Е. Анисимова // Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. – Красноярск : СФУ, 2016. – С. 366–398.
- Берберова, Н. Курсив мой. Автобиография / Н. Берберова. – М. : Согласие, 1996. – 736 с.
- Блюм, А. В. Литературный крестник И. А. Бунина (вместо послесловия) / А. В. Блюм // Клягин А. П. Страна возможностей необычайных. – Новосибирск : Свиньян и сыновья, 2010. – С. 347–361.
- Бунин, И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. – М. : Советский писатель, 1991. – 176 с.
- Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1965–1967.
- Виницкий, И. О чем молчит соловей. Филологические новеллы о русской культуре от Петра Велико-го до кобылы Буденного / И. Виницкий. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2022. – 536 с.
- Гуль, Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. II: Россия во Франции / Р. Гуль. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2001. – 512 с.
- Игнатев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатев. – М. : Воениздат, 1988. – 752 с.
- Капинос, Е. В. Повесть А. Клягина «Клад Мамаю»: приключенческий сюжет и евразийский под-текст / Е. В. Капинос // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 4 (в печати).
- Капинос, Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов / Е. В. Капинос. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 248 с.
- Клягин, А. Страна возможностей необычайных / А. Клягин. – Париж, 1947.
- Клягин, А. Клад Мамаю / А. Клягин. – Paris : Editions du scribe, 1948. – 278 с.
- Клягин, А. П. Страна возможностей необычайных / А. П. Клягин. – Новосибирск : Свиньян и сыно-вья, 2010. – 376 с.
- Кузнецова, Г. Н. Грасский дневник / Г. Н. Кузнецова. – СПб. : Миръ, 2009. – 496 с.
- Пономарев, Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода / Е. Р. Пономарева. – М. : Литфакт, 2019. – 340 с.

References

- Anisimova, E. E. (1996). Balladnyi mir Zhukovskogo i poetika prozy I. A. Bunina [The Ballad World of Zhukovsky and the Poetics of I.A. Bunin's Prose]. In *Tvorchestvo V. A. Zhukovskogo v retseptivnom soznanii russkoi literatury pervoi poloviny XX veka*. Krasnoyarsk, SFU, pp. 366–398.
- Berberova, N. (1996). *Kursiv moi. Avtobiografiya* [Italics are Mine. Autobiography]. Moscow, Soglasie. 736 p.
- Blum, A. V. (2010). Literaturnyi krestnik I. A. Bunina (vmesto poslesloviya) [Literary Godson of I.A. Bunin (Instead of an Afterword)]. In Klyagin, A. P. *Strana vozmozhnostei neobychnykh*. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya, pp. 347–361.
- Bunin, I. A. (1991). *Okayannnye dni* [Cursed Days]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 176 p.
- Bunin, I. A. (1965–1967). *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [The Collection Works, in 9 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Gul, R. (2001). *Ya unes Rossiyu: Apologiya emigratsii. T. II: Rossiya vo Frantsii* [I Took Away Russia: Apology for Emigration. Vol. II: Russia in France]. Moscow, B.S.G.-Press. 512 p.
- Ignatiev, A. A. (1988). *Pyat' desyat let v stroyu* [Fifty Years in Service]. Moscow, Voenizdat. 752 p.
- Kapinos, E. V. (2023). *Povest' A. Klyagina «Klad Mamaya»: prikluchencheskii syuzhet i evraziiskii pod-tekst* [A Tale “Mamai's Treasure Trove” by A.Klyagin: Adventure Plot and Eurasian Undertone]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4 (in print).
- Kapinos, E. V. (2014). *Poeziya Primorskikh Al'p: rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [The Poetry of the Maritime Alps: Stories by I.A. Bunin of the 1920s]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 248 p.
- Klyagin, A. (1948). *Klad Mamaya* [Mamaia's Treasure]. Paris, Editions du scribe. 278 p.
- Klyagin, A. (1947). *Strana vozmozhnostei neobychnykh* [The Land of Extraordinary Opportunities]. Paris, 1947.
- Klyagin, A. P. (2010). *Strana vozmozhnostei neobychnykh* [The Land of Extraordinary Opportunities]. Novo-sibirsk, Svin'in i synov'ya. 376 p.
- Kuznetsova, G. N. (2009). *Grasskii dnevnik* [Grasse Diary]. Saint Petersburg, Mir. 496 p.
- Ponomarev, E. R. (2019). *Preodolevshii modernizm: Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda* [Overcoming Modernism: The Work of I. A. Bunin of the Emigrant Period]. Moscow, Litfact. 340 p.
- Vinitzky, I. (2022). O chem molchit solovei. Filologicheskie novelly o russkoi kul'ture ot Petra Velikogo do kobyly Budennogo [What the Nightingale is Silent about. Philological Short Stories about Russian Culture from Peter the Great to Budyonny's Mare]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 536 p.

“THERE IS SOMETHING IMMUTABLE ... FREEDOM OF THOUGHT AND CONSCIENCE”:
TO THE 90TH ANNIVERSARY OF I. BUNIN'S NOBEL PRIZE

Данные об авторе

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: dzerv@mail.ru.

Дата поступления: 26.09.2023; дата публикации: 31.10.2023

Author's information

Kapinos Elena Vladimirovna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Date of receipt: 26.09.2023; date of publication: 31.10.2023